

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 947

Кричевский Б.В.
*Санкт-Петербургская академия
постдипломного педагогического образования*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ПРОЦЕССЕ ВОЗВЕДЕНИЯ НОВГОРОДСКОГО МИТРОПОЛИТА НИКОНА НА ПАТРИАРШУЮ КАФЕДРУ

B. Krichevsky
St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education

POLITICAL STRUGGLE DURING NOVGOROD METROPOLITAN NIKON'S PATRIARCHAL ENTHRONEMENT

Аннотация. В статье на основе сравнительного анализа свидетельств очевидцев процесса возведения новгородского митрополита на патриаршую кафедру делается вывод о том, что выдвижение его кандидатуры осуществлялось узким кругом лиц во главе с царем Алексеем Михайловичем, и она не являлась безальтернативной. В статье также определяется отношение различных представителей властной элиты к личности нового главы русской церкви.

Ключевые слова: патриаршая кафедра, церковное обновление, власть, государь, политическая борьба.

Abstract. Analysing the testimony of witnesses of the Novgorod metropolitan's patriarchal enthronement, the author of the paper comes to the conclusion that his nomination was carried out by the inner circle headed by Tsar Aleksey Mikhailovich, and it had alternatives. The attitude of different representatives of the ruling elite to the personality of the new head of the Russian Church is also defined in the article.

Key words: patriarchal pulpit, church renewal, power, monarch, political struggle.

Для осмысления деятельности Никона в качестве главы церкви немалое значение имеет прояснение вопроса об обстоятельствах его возведения и поставления на патриаршую кафедру летом 1652 г. В связи с тем, что данный процесс осуществлялся во многом через неформальные личные договоренности, которые не могли быть письменно зафиксированы, его реконструкция возможна на основе привлечения более поздних свидетельств очевидцев. Тем не менее, при анализе подобного типа источников необходимо учитывать, что в них возможны определенные допущения, связанные с их оценкой составителем минувшего

через призму его последующего опыта. Исходя из знания тех последствий, к которым привели воссоздаваемые события, свидетель неизбежно подвергал их значительному переосмыслению. Кроме того, если автор текста являлся непосредственным участником излагаемых обстоятельств, то существует опасность преувеличения им собственной роли и надления себя неординарными личными качествами.

Сам Никон только в 1660-х гг., находясь в добровольном заточении в Воскресенском монастыре, позволил себе письменно изложить собственную версию своего представления на кафедру. Наиболее полно она содержится в разосланных 1666 г. посланиях к Вселенским патриархам. Оказавшись перед реальной угрозой не только окончательного смещения с кафедры, но и отлучения от церкви, Никон тайно разослал их, стремясь получить от греческих иерархов понимание и защиту. Однако в Малороссии эти письма сумели перехватить, и они легли на стол царю Алексею Михайловичу [2, 267-270].

В послании, в частности адресованном Константинопольскому патриарху Дионисию, Никон, аргументируя свой отказ от кафедры в 1658 г., подробно описывает, при каких именно условиях он на эту кафедру взошел. Никон утверждал, что, когда узнал о своем выдвижении, первым его желанием было отказаться от подобной высокой чести: «И сего ради аз не восхотех в собор итить, и призваша нас царское величество и ево царский синклит, бояря и освященный собор, не единожды или дважды, но и многожды, и не восхотехом итить». Но все же бояре и митрополиты настояли на своем желании и вынудили Никона принять приглашение и прийти на Собор.

Дальше в послании Никон пишет следующее: «И благочестивейший царь со всем народом молиша нас много, яко да будем патриархом Московским и всеа Руси». И только когда государь «... прислонися к земли и, припадаше со всем народом...» Никон перед собравшимися огласил условие, лишь при соблюдении которого он даст согласие

рукоположиться на патриаршество: «А еще обещаете ся неложно и нас послушати во всем, яко начальника и пастыря и отца краснейшаго, елико вам возвещать буду, о догматах Божиих и о правилех, и сего ради, по желанию и по прошению вашему, не могу отрекатися от великаго архиерейства». И царь Алексей Михайлович, и бояре, так как их стремление видеть новгородского митрополита главой русской церкви было очень велико, торжественно дали просимую клятву [3, 511-513].

Фактически Никон потребовал признать за собой право стать для всех беспрекословным моральным авторитетом. Формально это было обоснованно, так как патриарх должен являться наиболее сведущим в понимании и соблюдении Божьих законов. Однако в ситуации существующих в России XVII в. значительных правовых лакун это также означало и приобретение дополнительных властных рычагов. Слово поддержки или неодобрения от патриарха при определенных обстоятельствах могло оказать влияние и на назначение тех или иных людей на значимые должности, и даже на определение приоритетных направлений государственной политики.

Но все же подобное свидетельство Никона об обстоятельствах возведения на кафедру не может быть достаточно надежным, так как главной задачей автора данных посланий было доказать восточным иерархам обоснованность своего отказа от патриаршества. В текстах он объяснял свое решение грубым нарушением государем данной им прилюдно клятвы: «...нас послушати во всем, яко начальника и пастыря и отца краснейшаго...». Кроме того, очевидно, Никон не беспокоился быть уличенным в искажении описываемых событий, так как не предполагал, что составленные им для восточных патриархов послания попадут в руки их непосредственных участников.

Еще до появления посланий восточным патриархам Никон описывал собственное поставление в специально составленных возражениях на ответы митрополита Паисия Лигарида боярину Стрешневу, где его

самовольный уход с кафедры оценивался как каноническое преступление. Это сочинение было обращено к государю и к его окружению, и поэтому предложенный в нем рассказ об обстоятельствах восшествия на кафедру по отношению к версии, содержащейся в письмах к восточным патриархам, оказался более сдержанным.

В нем Никон особо подчеркивал, что: «Мы же ни своею волею на престол патриаршеский издохом, но общим советом царьского величества и всем священным собором избран, ни в слове ласкания, ни мздою даяния...» [9, 205]. Тем самым, и на этом для иерарха было важно заострить внимание, его избрание на патриаршую кафедру являлось абсолютно законным и с его стороны не следовало никаких корыстных целей.

Далее, через много листов, он описывает уже конкретные обстоятельства своего поставления: «...егда молил царь новгородского Никона митрополита со освященным собором на патриаршество, и Никон много отрицался такова великаго бремене». Но потом все же он уступил, но при следующем условии: «Егда изволит Бог Никону митрополиту на патриаршестве и Никон митрополит, усмотря во царе и великом князе порок, который противен Евангелским святым заповедям, или противно что святым апостолским и отеческим правилом, и ему, Никону, по писанному во псалмах, не стыдяся, говорити перед цари о заповедех Господних и святых апостол и святых отец и перед бояры. А ему государю царю и ево государевым бояром слушати во всем. И он, государь, и ево государевы бояря все обещались...» [9, 447].

При видимом сходстве этого текста с посланиями восточным патриархам требования, выдвинутые Никоном, при которых он согласится на поставление, выглядят гораздо скромнее. В «Возражении...» говорится не о «послушати во всем, яко начальника и пастыря», а всего лишь о том, что «не стыдяся, говорити перед цари о заповедех Господних». То есть Никон только требовал возможности открыто выражать свое мнение по вопросам соблюдения православных канонов.

Явно под влиянием версии Никона, изложенной им в «Возражении...», описывал поставление и его биограф Иван Шушерин: «Зря же Благочестивый Царь, яко в та времена никтоже ему в разуме и во утверждении благочестия бе равен, посветовавшись со всем освященным собором, аще Преосвященному Митрополиту Никону и весьма нехотящу и всячески отрицающуся, и разнообразными винами отбывающу, понудища его престол Патриаршиский прияти.. [13, 29].

В связи с рассмотрением приведенного в сочинениях Никона сюжета процитируем отрывок из воспоминаний о России Павла Алеппского, который в 1655–1656 гг. сопровождал патриарха Антиохийского Макария в его поездке в Москву. Он звучит так: «Случилась кончина патриарха Иосифа, и все согласились на том, чтобы сделать патриархом Никона. Он долго отказывался, пока не было поставлено, что царь отнюдь не будет заниматься делами церкви и духовенства, ибо предшествующие цари этим занимались. Когда состоялось соглашение касательно этого, Никон издал царский указ о том, что его слово будет решающее, и никто не вправе ему противиться» [10, 47].

В данном тексте говорится о том же событии, о котором сообщал Никон в «Возражении...» и в посланиях к патриархам, но описано оно совсем иначе. Если, по версии Никона, его требование выглядело как внезапно снизошедшее откровение в тот момент, когда на Соборе молили его принять патриаршество, то, по Павлу Алеппскому, здесь имело место заранее продуманное соглашение между церковной и светской властью: государь занимается светскими делами, а патриарх – церковными. Причем, по сведениям греческого гостя, это соглашение было даже где-то письменно зафиксировано.

Свидетельство Павла Алеппского может быть дополнено фрагментом из донесения шведского посланника И. де'Родеса от 20 октября 1652 г.: «Новый патриарх, которому царь оказал столь высокую честь, был, несмотря на это, очень деликатен и сделал вид, будто не желает принять этот сан. Пос-

ле долгих уговоров он, наконец, согласился, но с тем условием, чтобы царь дал ему клятвенное обещание повиноваться ему в духовных делах и чтобы он имел такую же власть и такой же авторитет, как и дед его царского величества – Филарет Никитич. Все это ему было обещано» [6, 318-319].

И. де Родес недвусмысленно указывает, что, отказываясь идти на патриаршество, Никон добивался вполне определенных целей. Кроме того, из донесения шведского посланника видно, что уже накануне избрания Никон хотел в дальнейшем получить не меньшие властные возможности, чем имел Филарет во время пребывания на кафедре. Тем самым сделать этот период усиления роли института патриаршества в государстве не исключением, связанным с родственными отношениями главы церкви с государем, а правилом.

Документ, указываемый Павлом Алеппским и И. де Родесом, в котором была зафиксирована договоренность между государем и Никоном, нам неизвестен, более того, факт его существования не отразился и во вторичных источниках. В 1659 г. Никон, уже находясь в Воскресенском монастыре, в одном из посланий предупреждал государя, что якобы у него имеются «письма в них же много таинство» [2, 493]. Но в конечном итоге патриарх ограничился лишь угрозами. Не представил и не упомянул иерарх о существующих или существовавших документах, подтверждающих его особый статус, даже во время судебного процесса, в котором он фигурировал в качестве обвиняемого.

Вполне вероятно, источником сведений о наличии подобного письменного договора, отразившихся в воспоминаниях современников, являлся сам Никон. Так, дьякон Благовещенского собора Федор Иванов также показывал, что будто бы царь Алексей Михайлович обещал во всем слушаться патриарха, и про то «запись даде своею рукой» [7, 84-85]. Но никто из перечисленных авторов подобных сообщений не только сам не видел упоминаемый в них документ, но и не присутствовал на церемонии поставления Ни-

кона в патриархи. Представленные наблюдения говорят в пользу того, что письменный «Указ» государя о новом порядке разграничения светской и церковной власти отсутствовал, а была лишь устная, личная договоренность.

Таким образом, источники показывают, что возведение Никона на кафедру было обусловлено собственной волей царя Алексея Михайловича, а также результатом предварительных договоренностей между ним и предполагаемым главой русской церковью. Источники также обнаруживают явное желание Никона, несмотря на его публично высказанные сомнения, занять патриаршую кафедру.

Теперь проанализируем, являлся ли Никон единственным кандидатом на патриаршую кафедру, и как расценивали поставление новгородского митрополита его ближайшие соратники, входящие так же, как и он, в окружение государя и его духовника Стефана Вонифатьева.

В конце 1653 г., когда патриарх начал первые гонения на несогласных с его политикой, один из ярких деятелей оппозиции к официальной церкви, бывший друг Никона протопоп Иван Неронов, составил специально для царя Алексея Михайловича весьма любопытное и оригинальное для своего времени сочинение. В нем приводилась беседа автора с патриархом, в ходе которой определялись основные различия во взглядах этих двух священнослужителей. Однако в тексте автор, что вполне понятно, отводит большее место собственным полемическим речам. Никон же в тексте в основном не особо удачными репликами лишь скрепляет обвинительные монологи бескомпромиссного протопопа. Если такой разговор произошел в реальности, то в задачу Неронова явно не входило понять смысл действий патриарха. Он стремился лишь публично выразить свое несогласие.

Стоит обратить внимание на один весьма красноречивый отрывок из этого сочинения, проясняющего много важных вопросов и поэтому так часто цитируемого исследова-

телями. В данном случае он интересен в связи с выявлением отношения Неронова и его сподвижников к выдвижению Никона в патриархи: «Прежде сего совет имел ты с протопопом Стефаном, и которые советники и любимы были, и на дом ты к протопопу Стефану часто приежал и любезно о всяком добром деле беседовал, когда ты был выгумнах, и в архимаритех, и в митрополитех... ты з государевым духовником протопопом Стефаном тогда был в советех, и не прекословил нигде... И протопоп Стефан за что тебе враг стал? - везде ты его поносишь и укоряешь, а друзей его разоряешь, протопопов и попов з женами и з детьми разлучаешь! Доселе ты друг наш был, - на нас восстал. А коих ты разорил, и на их место построил иных...»[8, 47].

Во всем этом тексте явственно сквозит обида на непонятное, ничем не обоснованное охлаждение Никона к старым друзьям. Став патриархом, он неожиданно возгордился и не только перестал прислушиваться к их советам, но и начал против них репрессии.

Таким образом, Никон, придя к высшей церковной власти, отдалился от своего прежнего окружения. Это как раз послужило не меньшим толчком к возникновению церковной оппозиции, чем несогласие с сутью проводимых патриархом церковных преобразований

Еще жестче о Никоне как о человеке, который не оправдал возложенную на него миссию, пишет в своем житии (редакция В) протопоп Аввакум. Этот литературно-исторический памятник создавался в первой половине 70-х гг. XVII в., когда уже никакой надежды на примирение оппозиции с официальной церковью не было, и автор уже мог себе позволить не стесняться в выражениях: «Посем Никон, друг наш, привез из Соловков мощи Филиппа митрополита. А прежде его приезде Стефан духовник, моля бога и постясь седмицу з братиею - и я с ними тут же, - о патриархе, да же даст Бог пастыря ко спасению душ наших, и с митрополитом Корнилем казанским написал челобитную за руками, подали царю и царице - о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же

не восхотел сам и указал на Никона митрополита... Егда бысть патриархом, так нас и в крестовую нестал пускать!»[12, 167-168].

В этом отрывке, кроме горечи воспоминаний о своих надеждах, которые не сбылись исключительно по вине «друга нашего», обнаруживается целый ряд уникальных известий, касающихся поставления Никона на патриаршество. Так, выясняется, что группа иерархов, к которой принадлежал и протопоп Аввакум, послала к царю и царице через такого высокопоставленного иерарха, как митрополит Казанский Корнилий, просьбу возвести на патриаршество государева духовника Стефана Вонифатьева, который собственно, по справедливому утверждению многих исследователей, являлся главным вдохновителем будущих церковных преобразований [5, 105-168; 1, 14-35; 11, 32-37].

Но тут возникает другой вопрос, - в связи с чем Стефан Вонифатьев, сумевший сосредоточить в своих руках немалую власть, вместо того чтобы упрочить ее и легализовать, добровольно отдает ее другому, пусть даже единомышленнику. При этом очевидный аргумент, что Стефан принадлежал к белому духовенству и потому не мог быть поставлен в патриархи, не является достаточно убедительным. Известно немало случаев, когда для достижения конкретной политической цели церковные каноны умело обходились. Также сомнительно и то, что царский духовник недооценил амбиции Никона. Зная о властном характере новгородского митрополита, сомнительно, что Стефан Вонифатьев предполагал в дальнейшем влиять через него на церковную жизнь. Если советы царского духовника встречали сопротивление у дряхлеющего Иосифа, то руководить полным сил и собственных планов Никоном было просто нереально.

Конечно, Никон был ближе к устремлениям Стефана Вонифатьева, чем предыдущий патриарх. Более того, очевидно, что сам царский духовник и оказал большое влияние на формирование представлений Никона о смысле и правилах пасторского служения. В то же время Стефан как человек, долгое

время находящийся при царском дворе, в отличие еще достаточно неопытного Аввакума, не мог не знать, насколько сильно меняет личность приобретение ею властных полномочий. Следовательно, выдвижение новгородского митрополита было большим риском и для него самого, и для начатых им церковных преобразований. Тем не менее Стефан Вонифатьев снимает свою кандидатуру в пользу Никона.

Исходя из перечисленных обстоятельств, можно сделать вывод, что поступок царского духовника являлся вынужденным и для него единственно возможным, так как решение выдвинуть в патриархи своего любимца, новгородского митрополита у царя Алексея Михайловича уже окончательно оформилось. Стефану Вонифатьеву оставалось либо одобрить данное решение и остаться при дворе, либо навлечь на себя недовольство государя и сделать Никона своим врагом.

В связи с вышеизложенными соображениями становится понятной фраза из письма Аввакума Ивану Неронову, составленного 19 сентября 1653г. уже во время начавшихся гонений на бывших членов общества Стефана Вонифатьева: «А про Стефана сказать не знаю что, – всяко ослабел» [8, 25]. Здесь, конечно, имеется в виду не только физическое недомогание протопопа Стефана, а прежде всего ослабление его влияния на царя, что уже стало очевидным для его ближайших сподвижников и вызвало у них недоумение и растерянность. Но потеря власти духовником царя началась еще в начале 1652 г., как уже указывалось ранее, и его отказ от патриаршества является тому доказательством.

Таким образом, выдвижение и поставление Никона на кафедру решалось и осуществлялось царем Алексеем Михайловичем и узким кругом лиц, в основном входивших в общество, организованное Стефаном Вонифатьевым. У нас нет сведений, что бояре или

иерархи принимали участие в выдвижении и каким-то образом были привлечены к процессу выбора будущего патриарха. Возможно, они просто не предполагали, насколько значимой станет его фигура не только в церковных, но и в государственных делах. Поэтому никакого даже тайного сопротивления кандидатура новгородского митрополита не встретила.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бороздин А.К. Протопоп Аввакум. 2-е изд. СПб., 1900. 320 с.
2. Гиббинет Н.А. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Ч. 2. 1124 с.
3. Записки отделения русской и славянской археологии русского археологического общества. СПб., 1881. Т. 2. 540 с.
4. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. 524 с.
5. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. 2-е изд. Сергиев Посад, 1913. 175 с.
6. Кордт В.А. Донесение И. де'Родеса, посланное из Москвы шведскому генерал-губернатору в Риге графу Густаву Карлссону Горну 20 октября 1652 г. // Юбилейный сборник статей студенческого историко-этнографического кружка при университете Св. Владимира. Киев, 1914. С. 317-325.
7. Лебедев Л. Москва патриаршая. М., 1995. 365 с.
8. Материалы для истории церковного раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. 431 с.
9. Патриарх Никон. Труды. М., 2004. 1260 с.
10. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, написанное его сыном, архидиаконом Павлом Алепским // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1898. Кн. 3. От. 3. 175 с.
11. Румянцева В.С. Народные антицерковные движения в России в XVII веке. М., 1986. 262 с.
12. Русская историческая библиотека. Л., 1927. Т. 39. 959 с.
13. Шушерин И. Известие о рождении и воспитании и житии Святейшего Никона патриарха Московского и всея Руси. 2-е изд. М., 1908. 119 с.